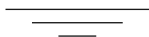

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

ВЛАДИМИР ТИТОВ

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т 45

Титов В. А.

Т 45 Хождение за три моря. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-907498-89-1

В этой книге автор пытается взглянуть на жизнь, их личную и на мироустройство в целом, глазами своих героев. Это совсем разные люди, живущие в разных городах, странах и континентах даже: художники, музыканты, литераторы, деревенские жители и просто случайные знакомые, порой неожиданно эксцентричные, с витиеватыми судьбами, а то и непонятные, как знак вопроса.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907498-89-1

© В. А. Титов, текст, 2025

© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Хождение за три моря	7
Гниль.....	79
Несмешные анекдоты.....	138
«Это надо же, как оно вышло...» (Происшествие на Гудзоне)	152
Сказка	158
Пик, Треф, Бубновая.....	167
Теперь мы встречаемся в Москве, в ГУМе у фонтана	178
История его жизни	187
Зигзаг	206
Палата	217
Большевик.....	225
Заря над океаном	234
На Марне	240
Снегопад.....	247
Елочка	251

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ

Уже прошел первый контроль, толпа засасывает вглубь зала, а она все стоит, ныряет глазами по мятущейся толпе, не терять чтоб из вида. Новый кордон сгрудил толпу, каша прыгающих голов: снимай верхнюю одежду, выворачивай карманы. Подгонялы просят не задерживаться, проходить вперед. И все ж оглядывается и видит в толпе кусок рыженькой ее шубки, лицо, пятном просто, но он знает, видит — тревожные, ищущие глаза. Он поднимает руку и долго машет — может, заметит, — да, поднимается над толпой маленькая ручка, заметила. Паспортный контроль: теперь влево вдоль стеклянной стены, и наконец движущаяся лестница забирает вниз, окончательно отделяет его от ТОГО мира. Перед пастью эскалатора задерживается, не надеясь на чудо, оглядывается и с трудом, едва замечает — стоит... До конца, до последней возможности увидеть.

А минут тридцать назад ткнулись в друг друга, вроде как наспех, попрощались. «Вот так вот, — думал Тимофей, — и скроилась жизнь из таких вот прощаний-свиданий».

А вдруг вот так все оборвется и не увидеться никогда?.. — Нет, не может такого быть. Это всегда будет.

И хотелось кинуться назад, схватить и не отпустить. И зачем все это, кто тебя гонит... Но по-другому, он знал, не получается. По одну сторону — самые родные существа (когда встречали, разом, и дети и она висли на нем; дети с визгом, она молча, уткнувшись носом), по другую — тот край, без которого невозможно существование.

* * *

Ну и как это понимать? И злость уж прошла, голод притупился, недоумение вот не уляжется никак. Приглашал к шести. От работы ей пешком, если на каждом шагу рот раскрывать, — минут пятнадцать.

В начале десятого подогрел остывшую давно фасоль, в большую миску алюминиевым с зазубринами половником налил до краев, посыпал зеленью; масла подсолнечного добавил; без аппетита стал есть. А ведь три часа назад казалось, сотворил чудо кулинарное.

Было за ним такое. Откроет для себя что-то новое, и уж кажется, что и всему миру это так же удивительно. Лет семь назад обратил внимание на красоту форм любой совершенно посуды: будь то бутылки, чашки фарфоровые, самые простецкие тарелки в столовке, — везде форма, которой можно любоваться. И ко дню рождения преподнес матери огромное, купленное в антикварном магазине за немалые деньги фарфоровое блюдо, которому мать не могла найти не только применения, но и места.

Недавно он полюбил фасоль (в детстве так от одного запаха воротило), и теперь думалось ему — нет вкусней блюда; и, пригласив свою новую знакомую на ужин, хотел удивить.

Женщины вообще-то его вниманием не баловали. Была у него школьная любовь, которая, впрочем, и обратила на него внимание лишь за то, что заметила, как он на нее глаза вытаращил. И, когда всем вокруг стало это видно, друг его, первый в школе красавец, из озорства просто, подмигнул ей, и она кинулась к тому на шею. И он понял, что с такой внешностью (никакой) ожидать особенно нечего. Были потом, во взрослом уже возрасте разные мимолетные увлечения; и красавицы там были, но все как-то глупы и никчемны. Трудно было представить, что с кем-то из них мог он связать свою жизнь.

А эта... Делась-то куда? Испугалась, может? Предыдущую подругу нужно было встречать на улице; одна категорически отказывалась подниматься на чердак восьмиэтажного дома пешком по черной лестнице с дикими кошками в полной тьме. А гости, приходившие впервые, пройдя пару пролетов, возвращались, считая, что ошиблись, — не может тут никто жить.

Около двенадцати улегся спать. Разбудил стук в дверь. Сначала вкрадчивый такой, извинительный, затем бесцеремонный. На часах начало второго. «Господи, спал-то как сладко».

Она улыбалась, весело, беззаботно.

- А я в гости зашла тут рядом, через бульвар.
Сняла шубу и из сумки достала маленькие голубые тапочки.
— Ты что, везде со своими тапочками ходишь?
— А что же я, три дня в сапогах тут сидеть буду?
— Вообще-то я приглашал на ужин, к шести. Какие три дня?
— Завтра суббота, воскресенье, и в понедельник у нас праздник.
— Какой?
— Религиозный, не знаю, как по-русски называется, у нас это нерабочий день.

* * *

Зима семьдесят девятого была все рекорды. Температура опускалась ниже сорока. День на чердаке начинался с того, что надо было выскоблить лунку в окне, чтоб пробился свет через иней толщиной с палец. Теперь можно работать.

У детей обычно, пока подрастут, двадцать раз меняются планы в выборе профессии. Чуть постарше всерьез ломают голову, куда податься. Тимофей ни в каком возрасте не задавал себе таких вопросов. Он знал — он художник, вот и все. А из стремлений — лишь стать художником хорошим. Я художник-любитель (любимый каламбур) — я влюблен в искусство. Никаких других интересов не было. Имущество всего — рабочие материалы да одеяло с подушкой. Угла своего тоже не было, прыгал по Москве как заяц, и это ничуть не тяготило. Ощущал даже некую легкость — весь мир принадлежит ему: штаны подтянул, пошел дальше. На новом месте устраивался по-солдатски: вошел, глянул, откуда падает свет, куда холст ставить, — готово, ты дома. Как-то пришлось заселяться ночью. Район новостройки. Новый дом даже не заселен полностью. Квартира пустая, первый этаж, и мороз жгучий, да с ветром, и казалось, дом пронизывал насквозь. Завалиться спать на полу, что в общем было привычно, не решился. По полу не сквозняк даже, а уличный свистал ветер.

Нет кровати — сделай. Напротив стройка. Забор, корявые, нетесанные доски — горбыли на профессиональном языке, где через одну, где кучей, наспех сбитые, чтоб только ветром не растрепало. Оторвал

несколько досок, набрал десятка два кирпичей, поставил четыре столбика, накрыл горбылем — вот и койка.

Чердак же достал ему Витька-милиционер. Витька, этот самый, был художник — хороший, надо сказать, художник. С внешностью громилы, которых хочется обойти стороной в темном переулке; весь какой-то темно-косматый, длинные всклокоченные волосы соединялись с такою же бородой, оставляя лишь глаза. И те тоже тяжелые, страшные; даже когда улыбается, в них что-то роится тайное, а прямой взгляд вынести просто трудно. И вот это-то страшилище писал чуждые, нежные цветы. Мастерская его в старом доме, занимавшая весь этаж, была напротив центрального рынка, и круглый год, зимой и летом, повсюду стояли живые цветы, и на холстах они цвели не хуже.

— Тебе надо к Витьке- милиционеру, он найдет тебе место. — сказали знающие люди.

Витька действительно в недавнем прошлом был самым настоящим ментом. Приехав учиться из далеких зауральских краев, окончил институт и, чтоб без проблем остаться в Москве, поступил в милицию. И прослужил там, пока не приобрел неплохую квартиру, женился к тому времени, но самое примечательное, используя многочисленные связи (хваткий был парень) по ментовской линии, многим художникам и себе, конечно, устроил прекрасные мастерские.

К двум часам, как было назначено, Тимофей поднимался к Витьке на второй этаж. В пролете между этажами у окна, облокотившись на подоконник шириной с кровать, стоял маленький человечек.

— К Витьке?.. Его еще нет, я тоже жду.

Тимофей остановился. Человек запрыгнул, уселся на подоконник.

— Сыграем? Когда-то он еще придет. — В руках колода карт.

— Не, я не играю.

— Да просто время чтоб провести, давай, — и назвал неизвестную Тимофею игру.

— Да я не умею.

— Я покажу, это просто. Играть не будем, просто покажу тебе, увидишь, как это интересно. Вот смотри: раздаю — тебе, себе. Теперь,